

II. Проблемы художественного перевода

Л. С. Бархударов
(Москва)

О ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

(на материале перевода И. А. Буниным
«Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло)

Вопрос о средствах и путях достижения адекватности при переводе поэтических произведений один из наименее разработанных в теории художественного перевода. Строгие ограничения, налагаемые на поэтические произведения в силу специфики самого жанра, необходимость передать в переводе не только содержание, но и ритмико-мелодическую и композиционно-структурную сторону подлинника, большая, чем в прозе, зависимость поэтического произведения от особенностей языка, на котором оно написано, — все это делает перевод поэзии одной из наиболее трудных областей переводческой деятельности. Тем более важным представляется с точки зрения как теории, так и практики перевода анализ лучших образцов перевода поэтических произведений с целью установления путей и средств достижения адекватности, применяемых опытными и талантливыми переводчиками.

Всякого, кто читал русский перевод поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате», сделанный И. А. Буниным, и сравнивал его с подлинником, не могла не поразить исключительно высокая точность перевода, его порою поразительная близость к подлиннику — при высоких художест-

венных достоинствах перевода. Именно это обстоятельство и побудило нас обратиться к бунинскому переводу «Песни о Гайавате» как к материалу для исследования. Нам хотелось выяснить, какими путями, при помощи каких приёмов достигает И. А. Бунин столь высокой степени адекватности перевода этого замечательного памятника американской поэзии, при этом нигде не впадая в буквализм, в рабское копирование подлинника.

Сам И. А. Бунин пишет следующее в предисловии к своему переводу поэмы Лонгфелло: «Я всюду старался держаться возможно ближе к подлиннику, сохранить простоту и музыкальность речи, сравнения и эпитеты, характерные повторения слов и даже, по возможности, число и расположение стихов. Это было нелегко: краткость английских слов вошла в поговорку; иногда приходилось сознательно жертвовать лёгкостью стиха, чтобы из одной строки Лонгфелло не делать нескольких. С другой стороны, некоторые стихи подлинника почти слово в слово укладывались в русские....».¹

Рамки краткой статьи не дают возможности подвергнуть рассмотрению все или хотя бы наиболее важные проблемы, связанные с вопросом об адекватности художественного перевода. Мы сознательно ограничили себя исследованием только одной стороны вопроса, а именно проблемой лексических соответствий. Нами был проделан сплошной анализ лексических соответствий в бунинском переводе текста вступления в поэму Лонгфелло (115 строк подлинника). Результаты анализа изложены в настоящей статье. Прежде чем приступить к их изложению, для удобства читателей дадим сначала полностью текст английского подлинника вступления в «Песнь о Гайавате» параллельно с русским переводом И. А. Бунина (строки русского перевода, по возможности, даны напротив соответствующих строк английского подлинника).

¹ Should you ask me, whence Если спросите — откуда
these stones?

Whence these legends and tra- Эти сказки и легенды
ditions,

¹ См. Г. Лонгфелло. Песнь о Гайавате. Пер. с английского И. А. Бунина, Гослитиздат, 1955, стр. 5.

With the odours of the forest,
With the dew and damp of
meadows,

⁵ With the curling smoke of
wigwams,

With the *rushing* of great ri-
vers,

With their *frequent repetitions,*

And their wild reverberations,
As oi thunder in the moun-
tains?

¹⁰ I should answer, I should
tell you,

"From the forests and the
prairies,

From the great lakes of the
Northland,

From the land of the Ojib-
ways,

From the land of the Daco-
tahs,

¹⁵ From the mountains, *moors,*
and fenlands,

Where the heron, the Shuh-
shuh-gah,

Feeds among the *reeds* and
rushes,

I repeat them as I heard them

From the lips of Nawadaha,

²⁰ The musician, the sweet
singer."

Should you ask where Nawa-
daha

Found these songs so wild and
wayward,

Found these legends and tradi-
tions,

I should answer, I should tell
you,

²⁵ In the birds'-nests of the
forests,

С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью доли-
ны,

Голубым дымком вигвамов,

Шумом рек и водопадов,

*Шумом, диким и стозвуч-
ным,*

Как в горах раскаты гро-
ма? —

Я скажу вам, я отвечу:

"От лесов, *равнин* пустынь,

От озер Страны Полноч-
ной,

Из страны Оджибуэев,

Из страны Дакотов диких,

С гор и тундр, с болот-
ных топей,

Где среди осоки бродит,

Цапля сизая, Шух-шух-га,

Повторяю эти *скйзки,*

Эти *старые преданья*

По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги".

Если спросите, где слы-
шал,

Где нашел их Навадага,—

Я скажу вам, я отвечу:

"В гнездах певчих птиц,
по *рощам,*

In the lodges of the beaver,
In the hoof-prints of the bison,
In the eyry of the eagle!

"All the wild-fowl sang them to him,
³⁰ In the *moorlands* and the *fenlands*,
In the melancholy marshes;

Chetowaik, the plover, sang them,
Mahng, the loon, the wild-goose, Wawa,
The blue heron, the Shuh-shuh-gah,
³⁵ And the grouse, the Mushkodasa!"

If still further you should ask me,
Saying, "Who was Nawadaha?
Tell us of this Nawadaha,"
I should answer your inquiries
⁴⁰ Straightway in such words as follow.

"In the vale of Tawasentha,
In the green and silent valley,
By the pleasant water-courses,
Dwelt the Singer Nawadaha.

⁴⁵ Round about the Indian village
Spread the meadows and the corn-fields,
And beyond them stood the forest,
Stood the groves of singing pine-trees,
Green in Summer, white in Winter,

⁵⁰ Ever sighing, ever singing.

На прудах, в норах бобровых,
На лугах, в следах бизонов,
На скалах, в орлиных гнездах.

Эти песни раздавались

На болотах и на топях,

В тундрах севера печальных:

Читовейк, зук, там пелих,

Манг, нырок, гусь дикий, Вава,

Цапля сизая, Шух-шух-га,

И глухарка, Мушкодаза."

Если б дальше вы спросили:

"Кто же этот Навадага?
Расскажи про Навадагу",—
Я тотчас бы вам ответил
На вопрос такую речью:

"Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых,
У излучистых потоков,
Жил когда-то Навадага.
Вкруг индейского селенья

Расстилались нивы, доли,

А вдали стояли сосны,

Бор стоял, зеленый—летом,

Белый—в зимние морозы,

Полный вздохов, полный песен.

"And the pleasant watercourses,
You could trace them through
the valley,
By the rushing in the Spring
time,
By the alders in the Summer,
⁵⁵By the white fog in the Autumn,
By the black line in the Winter;
And beside them dwelt the
signer,
In the vale of Tawasentha,
In the green and silent valley.
⁶⁰"There he sang of Hiawatha,
Sang the Song of Hiawatha,
Sang his wondrous birth and
being,
How he prayed and how he
fasted
How he lived, and toiled, and
suffered,
⁶⁵That the tribes of men might
prosper,
That he might advance his
people!"
Ye who love the haunts of
Nature,
Love the sunshine of the meadow,
Love the shadow of the forest,
⁷⁰Love the wind among the
branches,
And the rain-shower and the
snowstorm,
And the rushing of great rivers
Through their palisades of pine-trees,
And the thunder in the mountains,

Те веселые потоки
Были видны на долине
По разливам их — весною,
По ольхам серебристым—
легом,
По туману — в день осенний,
По руслу — зимой холодной.
Возле них жил Навадаги
Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых.
Там он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате,
О его рожденье дивном,
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шел к добру и правде".
Вы, кто любите природу—
Сумраклеса, шепотлистьева
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях
бора,
И в горах раскаты грома,

⁵ Whose *innumerable echoes*
Flap like **eagles** in their eyri-
es;—

Listen to these wild *traditions*,
To this **Song of Hiawatha!**
Ye who love a nation's **le-**
gends,

⁸⁰ Love the **ballads** of a people,
That like **voices from afar off**
Call to us to **pause** and *lis-*
ten,

Speak in tones so plain and
childlike,
Scarcely can the ear **distin-**
guish

⁸⁵ Whether they are **sung** or
spoken;—

Listen to this Indian Legend,
To this **Song of Hiawatha!**
Ye whose **hearts** are *fresh* and
simple,

Who *have* **faith** in **God** and
Nature,

⁹⁰ Who *believe* that **in all ages**

Every **human heart** is **human**,
That in even savage bosoms
There are *longings, yearnings,*
strivings

For the *good* they comprehend
not,

⁹⁵ That the feeble hands and
helpless,

Groping blindly in the **dark-**
ness,

Touch *God's* right hand in that
darkness

And are lifted up and **streng-**
thened; —

Listen to this *simple* story,

¹⁰⁰ To this **Song of Hiawatha!**

Ye, who **sometimes,** in your
rambles

Что как **хлопанье орлиных**
Тяжких крыльев **раздают-**
ся,—

Вам принес я эти *саги,*
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, кто любите **легенды**

И народные **баллады,**
Этот голос *дней минувших,*
Голос *прошлого,* **манящий**

К *молчаливому раздумью,*
Говорящий так **по-детски,**
Что едва уловит **ухо,**

Песня это или **сказка,**—

Вам из **диких** стран *принеся*
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, в *чьем юном, чистом*
сердце

Сохранилась вера в бока,

В искру божью в человеке;
Вы, кто помните, что **вечно**
Человеческое сердце

Знало горести, сомненья

И порывы к светлой *правде,*

Что в **глубоком мраке**
жизни

Нас ведет и **укрепляет**

Провидение незримо,—

Вам **бесхитростно** пою я

Эту Песнь о Гайавате!

Вы, которые, **блуждая**

Through the <i>green lanes of the country,</i>	По околицам <i>зеленым,</i>
Where the tangled barberry-bushes	Где, склонившись на <i>ограду,</i>
Hang their tufts of crimson berries	Поседевшую от <i>моха,</i>
Over <i>stone walls</i> gray with mosses,	Барбарис висит, краснея,
<i>Pause</i> by some neglected graveyard,	<i>Забывается</i> порую
For a while to muse, and ponder	На запущенном <i>погосте</i>
On a half-effaced inscription,	И читаете в <i>раздумье</i>
Written with little skill of <i>song-craft</i>	На <i>могильном</i> камне <i>надпись,</i>
¹¹⁰ Homely phrases, but each letter	Неумелую, простую,
Full of <i>hope</i> and yet of heart-break,	Но исполненную <i>скорби,</i>
Full of all the <i>tender pathos Of the Here and the Hereafter;</i> -	И <i>любви, и чистой веры,—</i>
Stay and read this <i>rude inscription.</i>	Прочитайте <i>эти руны,</i>
¹¹⁵ Read this Song of Hiawatha!	Эту Песнь о <i>Гайавате!</i>

Мы выделяем в исследуемом материале три случая: полные лексические соответствия (в тексте выделены жирным шрифтом), частичные лексические соответствия (в тексте выделены курсивом) и расхождения, или отсутствие соответствий (в тексте не выделены). Рассмотрим каждую из этих трех групп в отдельности.

Полные лексические соответствия

Исключив из исследования все служебные и строевые слова (предлоги, союзы, артикли, служебные, и вспомогательные глаголы, личные, притяжательные, указательные, неопределенные и союзные местоимения, частицы и нек. др.), мы насчитали в анализируемом отрывке всего 307 знаменательных слов (включая и имена собственные). Из них 202 слова, что составляет немногим менее 66%, переведе-

ны Буниным при помощи полных лексических соответствий, то есть слов, имеющих в русском языке то же лексическое значение, что и соответствующие слова английского подлинника (так называемые «словарные соответствия»). Для перевода поэтического текста это, безусловно, весьма большой процент прямых совпадений (далее мы увидим, что фактически средний процент полных соответствий еще выше).

В целом ряде случаев применение полного лексического соответствия сопровождается той или иной грамматической трансформацией. Наиболее распространенным видом такой трансформации является замена части речи, причем чаще всего (в восьми случаях) имеет место замена английского существительного русским прилагательным: стр. 3²—of the **forest** 'лесным' стр. 26—of the **beaver** 'бобровых'; стр. 28—of the **eagle** 'орлиных'; стр. 55—in the **autumn** 'осенний' (день); стр. 80—of a **people** 'народные.' В трех случаях замена существительного на прилагательное сопровождается синтаксической перестройкой: стр. 4—**dew and damp** 'свежесть и влага' переведено как 'влажная свежесть', то есть одно из двух однородных существительных заменено прилагательным, ставшим определением при другом существительном; стр. 72—the **rushing of rivers** переведено 'стремительные реки', то есть определение и определяемое как бы меняются ролями, стр. 109—обстоятельство with **little skill** 'с малым умением' заменено определением 'неумелая'.

Обратная замена прилагательного на существительное имеет место лишь в одном случае— стр. 42 (и ее повторение—стр. 59) — (in the) **silent** (valley) 'в тишине'.

В одном случае прилагательное заменено наречием: стр. 83—**childlike** 'по-детски'.

В пяти случаях встречается замена глагола на существительное: стр. 64—(how he) **lived** '(о его) жизни'; стр. 76—**flap** 'хлопанье', стр. 85 — **are sung or spoken** 'песня или сказка', стр. 107—два парных синонима to **muse** and **ponder** переведены при помощи одного существительного 'в раздумье'; стр. 50—причастия (ever) **sighing**, (ever) **singing** переведены как '(полный) вздох, (полный) песен'.

² Здесь и всюду далее указывается номер строки английского подлинника.

Встречается один случай замены глагола на прилагательное: стр. 82—**to pause** 'молчаливому'.³

Замену прилагательного на деепричастие наблюдаем в стр. 104—**crimson** 'краснея'.

Оригинальная трансформация произведена в стр. 20: the sweet **singer** 'сладкозвучный певец' переведено как 'сладкозвучные напевы', то есть имя деятеля заменено названием действия.

В стр. 29 **sang them** переведено как 'песни раздавались', то есть глагол и его «внутреннее дополнение» (they = songs) переданы существительными 'песни', что требует введения глагола 'раздавались'. По сути дела, здесь наблюдается своеобразная трансформация активной конструкции в пассивно-медиальную.

Все эти случаи мы относим к числу полных лексических соответствий, поскольку трансформация затрагивает только Грамматическую природу данного слова как части речи, но не меняет его лексического значения (что находит свое выражение в сохранении того же корня слова; ср.—(of a) **forest** 'лес', 'лесной'; **damp** 'влага', 'влажный'; **sing** 'петь', 'песня' и т.д.).

Само собой разумеется, к числу полных соответствий относятся также все случаи перевода сложных слов словосочетаниями там, где это требуется нормами русского языка, ср. стр. 68—**sunshine** 'солнечный блеск' и др.

Встречаются в переводе некоторые грамматические трансформации и других типов, например замена формы числа существительного (ср. стр. 81—**voices** 'голос'), изменение порядка слов, синтаксическая перестройка и др.; однако все это относится к проблеме грамматических соответствий и не входит в предмет нашего рассмотрения.

Наконец, следует отметить, что к числу полных соответствий относятся также и те случаи, когда английское слово повторяется в подлиннике несколько раз, в то время как соответствующее ему русское слово употребляется всего один раз. С этим явлением мы встречаемся уже в самом начале анализируемого отрывка: вопросительное наречие *whence* в подлиннике употреблено дважды, в стр.

³ Хотя значение глагола *to pause* 'замолчать' не указывается в «Англо-русском словаре» В. К. Мюллера, данное значение английского глагола встречается столь часто, что его невключение в словарь следует считать недосмотром.

1 и 2, в то время как его русское соответствие 'откуда' употребляется всего один раз. То же самое можно наблюдать и в стр. 22—23 (found), 48 и 50 (причастие *singing*), 61—62 (*sang*), 67, 68 и 69 (*love* повторяется трижды), 79—80 (опять *love*), 111—112 (*full*), 114—115 (*read*). С лингвистической точки зрения повторение является наиболее элементарным случаем речевой избыточности, так что устранение повторения в переводе не меняет передаваемой семантической информации. На это, казалось, можно было бы возразить, что в поэтической речи повторение играет роль определенного выразительного средства: в данном случае оно создает колорит народно-эпического повествования, который важно сохранить в переводе. Но следует иметь в виду, что в переводе Бунина повторение часто используется как художественное выразительное средство, хотя и необязательно в тех же самых местах, что и в подлиннике Лонгфелло (ср. например стр. 6—7, 12—13 и некоторые другие русские переводы). Было бы нелепым буквализмом стремиться к сохранению повторения именно в тех местах, где оно встречается в подлиннике.

Иногда в подлиннике повторение встречается в несколько завуалированном виде, а именно в виде так называемых парных синонимов, то есть параллельно употребляемых слов одного и того же лексического значения. Ср. след. строки—2 (*legends and traditions* 'легенды'), 79—80 (*a nation's, of a people* 'народные'), 107 (*to muse and ponder* 'в раздумье'). И здесь Бунин избегает повторения, которое было бы неоправданным буквализмом, поскольку парные синонимы — явление, характерное для английского языка, но чуждое русскому. Поэтому мы имеем все основания отнести и эти случаи к разряду полных соответствий.

Частичные лексические соответствия

Частичными мы называем соответствия, при которых имеет место сужение, расширение или смещение значения слова по сравнению с подлинником. В проанализированном нами тексте встретились следующие случаи частичных лексических соответствий:

Стр. 4: *meadow* 'луг' переведено "*долина*". В переводе Бунина это—устойчивое соответствие; ср. стр. 46, 68.

Своеобразной компенсацией является обратный случай — перевод valley 'долина' как 'луга' (стр. 42, 59).

Стр. 7: *frequent repetitions* 'частые повторения' переведено 'стозвучный шум' — вполне естественная замена громоздкого и невыразительного оборота поэтическим эпитетом.

Стр. 11: *prairie* 'прерия, степь' переведено 'равнина' — незначительное расширение значения.

Стр. 15: *moor* 'пустошь, поросшая вереском' переведено как 'тундры'. Поскольку речь идет о севере (Northland), такой перевод вполне закономерен; И. А. Бунин придерживается его на всем протяжении «Песни о Гайавате» (ср. ниже стр. 30, с перестановкой в следующую строку, а также в гл. II: *over frozen lakes and moorlands* 'по замерзшим, белым тундрам' и т.д.).

Стр. 17: *reeds and rushes* 'камышы и тростники' переведено как 'осока' — неточность с точки зрения ботаники, но в поэтическом произведении вполне уместная, так как речь идет не о самих растениях как таковых, а о месте, где водятся цапли, то есть о болоте.

Стр. 18: местоимение *them* в переводе раскрыто: 'сказки, старые преданья'; по сути дела, это даже не лексическая замена, а своеобразная грамматическая трансформация.

Стр. 22—23: здесь имеет место обратное явление, а именно замена существительных *these songs, these legends and traditions* местоимением 'их', как бы компенсирующая предыдущую замену местоимения на существительные.

Стр. 25: *forest* 'лес' заменено на 'рощу' — незначительное сужение значения слова. К тому же *groves* 'рощи' встречается в стр. 48 подлинника.

Стр. 50: наречие *ever* 'всегда, беспрестанно' заменено близким по лексическому значению прилагательным 'полный' в связи с уже отмеченной заменой причастий *sighing* и *singing* на соответствующие существительные 'вздохов' и 'песен'.

Стр. 56: *black tine* 'темная полоса' переведено как 'русло'. Поскольку русло реки зимой выглядит как темная полоса на фоне окружающего снега, это можно считать контекстуально адекватной заменой.

Стр. 57: *the singer* 'певец' заменено именем певца 'Навадага' — тоже вполне адекватная для данного контекста конкретизация.

Стр. 65—66: сочетанию *tribes of men* 'племена людей'

соответствует слово *'народ'*, которое одновременно является полным соответствием употребленному в следующей строке подлинника слову *people*. Абстрактный глагол *advance* 'продвигать, содействовать успеху' в переводе раскрыт путем конкретизации: 'чтоб он шел к добру и правде', с соответствующей синтаксической перестройкой (превращение дополнения английского предложения в подлежащее русского предложения).

Стр. 70: *the wind among the branches* 'ветер в ветвях' заменено на *'шепот листьев'* — следствие указано вместо причины.

Стр. 73: *palisades of pine-trees* 'частокол сосен' передано как *'неприступные дебри бора.'*

Стр. 75: *innumerable echoes* 'неисчислимые эхо' передано менее эмфатическим *'раскаты'* (грома).

Стр. 77: глагол в повелительной форме *listen* 'слушайте' заменен сочетанием *'вам принес я'* (эти саги)—обратная, по сравнению со стр. 70, замена следствия причиной. То же в стр. 86.

В той же 77-й строке замена *traditions* 'предания' на *'сaggi'* вполне мотивирована: сам Лонгфелло, как известно, в предисловии к своей поэме называет ее «индейской Эддой». Этим же мотивирована замена в стр. 114 *rude inscription* 'грубая надпись' на *'руны'*.

Стр. 81: *(voices) from afar off* '(голоса) издалека' заменено на '(голос) дней минувших, прошлого'—замена пространственного значений временным. (Ср. русск.: 'далекие события', 'далекое прошлое').

Стр. 82: *to pause and listen*; наряду с уже отмеченной выше грамматической трансформацией (*to pause* 'молчальному'), имеет место лексическая замена *listen* 'слушать, прислушиваться' на *'раздумье'*. Здесь замена конкретного физического действия на абстрактное умственное связана с указанной выше заменой пространственных отношений временными.

Стр. 88—100. Перевод этих строк резко отличается по своему характеру от остального текста: по сути дела, это даже не перевод, а весьма приблизительное изложение подлинника, так что нет смысла анализировать отношения отдельных его элементов. Характерно, что по своей религиозно-философской направленности эта строфа (кстати говоря, выпускаемая в некоторых советских изданиях «Песни») выпадает из общего народно-эпического тона

всей поэмы. Поэтому можно думать, что «приблизительный» характер перевода этой строфы у Бунина не случаен, а обусловлен ее туманно-аллегорическим характером.

Наличие в анализируемом отрывке текста этой строфы оказало влияние на результаты подсчета количества полных соответствий: если исключить строки 88—100, то процент полных лексических соответствий сразу поднимется до 89 %.

Стр. 102: *lanes of the country* 'сельские тропинки' переведено как 'околицы' — семантическая близость очевидна.

Стр. 105: *stone walls* 'каменные стены' расширено в 'ограду'.

Стр. 106: *pause* 'останавливаетесь' передано как 'забываетесь' (на запущенном погосте). Второе понятие, естественно, подразумевает первое.

Стр. 112—113: перевод конкретизирует абстрактную манеру выражения подлинника. Ср. сказанное выше о стр. 88—100.

Всего, по произведенным нами подсчетам, общее количество полных и частичных соответствий в проанализированном тексте достигает немногим более 83 % по отношению к числу всех значительных слов. Таким образом, только 17% остается на долю расхождений (отсутствий соответствия), к рассмотрению которых мы сейчас переходим.

Расхождения

К числу расхождений относятся: опущения слов, представленных в подлиннике; добавления слов, отсутствующих в подлиннике; и замены слов подлинника словами иного лексического значения.

Опущения

Следующие слова, встречающиеся в подлиннике, опущены в переводе Бунина⁴:

Стр. 6: *great* 'больших' (рек). Этот эпитет, носящий скорее эмоционально-оценочный характер, опускается и в других местах, ах: стр. 12, 72.

⁴ Точнее было бы говорить не об опущениях, а об отсутствии в русском переводе эквивалентов соответствующих слов подлинника.

Стр. 18: *heard* 'слышал'. Употребление глагола в данном случае носит избыточный характер, так как наличие передаваемого им действия ясно само по себе из контекста; поэтому его опущение ничего не меняет в передаваемой семантической информации.

Стр. 19: *from the lips* 'из уст'. Опять-таки семантически избыточное в данном случае выражение; его опущение стало необходимым в силу отмеченной выше замены имени деятеля *singer* на 'напевы'.

Стр. 22: *wild and wayward* (эпитеты к существительному *songs*) 'дикие и своенравные'. Опущение этих определений вызвано необходимостью в силу замены существительного *songs* местоимением 'их'; кроме того, характеристика песен Навадаги уже была дана выше, в стр. 3 — 9.

Стр. 29: *wild-fowl* 'дикие птицы'. Опущено в связи с заменой активной конструкции на пассивно-медиальную (см. выше); кроме того, это словосочетание здесь избыточно, так как ниже, в стр. 32 — 35, перечисляются конкретные названия диких птиц.

Стр. 37: *saying* 'говоря'. Избыточно ввиду наличия в предыдущей строке глагола *ask* 'спросить' (спрашивание подразумевает говорение).

Стр. 44: *the Singer* 'певец'; избыточно ввиду того, что Навадага уже был охарактеризован как певец (стр. 20).

Стр. 48: *groves* 'рощи'. Поскольку в предыдущей строке уже упоминался *forest* 'лес, бор', слово это опять-таки является избыточным и может быть опущено без какого-либо ущерба для передаваемой семантической информации.

Стр. 55: *white* 'белый'; как определение при слове 'туман', явно избыточно (туман почти всегда белый).

Стр. 64: *suffered* 'страдал'. Незначительная смысловая потеря.

Стр. 67: *the haunts (of Nature)* 'убежища, укромные уголки' — по нормам русского языка вряд ли могут сочетаться со словом 'природа'.

Стр. 76: *euries* 'орлиные гнёзда'; избыточно, так как речь идет об орлах и общеизвестно, что орлы живут в гнездах.

Опущение прилагательного *wild* 'дикий' на стр. 77 является кажущимся, так как в русском переводе оно перенесено в следующую строфу (на 10 строк ниже) и синтаксически соотнесено с существительным 'страны' ('из ди-

ких стран'); поэтому мы имеем основания рассматривать это соответствие как полное, сопровождаемое синтаксической трансформацией.

Стр. 83: *in tones so plain* 'таким простым голосом'. *Tones* в русском тексте передавать не нужно, поскольку прилагательное *childlike* заменено наречием 'по-детски'; *plain* же является избыточным в сочетании с *childlike*.

Стр. 86: *Indian legend* 'индейская легенда'; в данном контексте явно избыточно.

Стр. 88—100 не анализируются по причинам, указанным выше.

Стр. 103. *tangled* 'спутанные' (кусты) — несущественный признак.

Стр. 104: *tufts of berries* 'гроздь ягод'. В английском тексте необходимо, так как речь идет о *barberry-bushes* 'кусты барбариса';! русское же соответствие 'барбарис' можно понять и в смысле 'ягоды барбариса'.

Стр. 108: *half-effaced* 'полустертая' (надпись) — некоторая потеря семантической информации.

Стр. 109: *written* 'написанная' — избыточно, так как речь идет о надписи (*inscription*). 5 той же строке опущено *of song-craft* 'поэзии' — незначительная семантическая потеря, неизбежная ввиду замены субстантивного словосочетания *with little skill* прилагательным 'неумелую'.

Стр. 110: *phrases* 'выражения'; избыточно в данном контексте. Там же опущено *each letter* 'каждая буква', имеющее чисто усилительное значение.

Стр. 114: *stay* 'остановитесь'; избыточно, так как это действие подразумевается контекстом.

Таким образом, мы видим, что в подавляющем большинстве, (15 случаев из 24) И. А. Бунин опускает в своем переводе слова, являющиеся избыточными, то есть не необходимыми для передачи данной смысловой информации, которая может быть извлечена из текста и без этих слов. Лишь в нескольких случаях опущение слов ведет к незначительным смысловым потерям (в основном за счет «украшающих» эпитетов типа *great, wild, wayward* и др.).

Добавления

В русском переводе добавлены следующие слова, не имеющие соответствий в английском подлиннике:

Стр. 6: 'водопадов'. О водопадах Лонгфелло говорит дальше, в гл. IV (*the Falls of Minnehaha*).

Стр. 11: 'пустынных (равнин)'. «Украшающий» эпитет.

Стр. 14: 'диких (дакотов)'. Добавление семантически оправдано, так как в дальнейшем тексте поэмы сам Лонгфелло называет дакотов 'дикими' (гл. X: *very fierce are the Dacotahs*).

Стр. 17: 'сизая (цапля)'. Тот же случай: ниже, в стр. 34 подлинника, говорится именно о 'сизой цапле' (*the blue heron*).

Стр. 21—22: 'слышал'. Этот глагол здесь избыточен, так как передаваемое им значение ясно из контекста (речь идет о песнях и легендах).

Стр. 25: 'певчих (птиц)'. Добавление оправдано тем, что ниже, в стр. 32 — 35, и далее в тексте доэмы неоднократно упоминаются певчие птицы.

Стр. 26, 27, 28: В эти строки добавлены обстоятельства места: 'на прудах', 'на лугах', 'на скалах'. Поскольку общеизвестно, что бобры живут на прудах, бизоны пасутся на лугах и т. д., эти обороты приближаются к избыточным; кроме того, их добавление оправдано тем, что оно создает параллелизм предшествующей строке 25, где имеется обстоятельство 'по рошам' (в английском подлиннике тоже имеется параллелизм всех четырех строк, но построенный несколько иначе — на обороте с *of: of the forest,, of the beaver,, of the bison,, of the eagle*).

Стр. 29: добавление 'раздавались' является кажущимся, так как оно вызвано необходимостью в силу замены глагола *sang* существительным 'песни'. По сути дела, здесь имеется полное лексическое соответствие с грамматической трансформацией: *sang them* — 'песни раздавались' (см. выше в разделе о полных соответствиях). То же самое на стр. 76: *flap* — 'хлопанье раздается'.

Стр. 30 — 31: '(в тундрах) севера'. Явно избыточно, так как тундры есть только на севере.

Стр. 44: '(жил) когда-то'. Наречие времени, избыточное в контексте прошедшего времени.

Стр. 49: '(зимние) морозы'. Избыточно (зимой всегда бывают морозы).

Стр. 54: 'сребристым (ольхам)'. «Украшающий» эпитет, избыточный в сочетании с существительным 'ольха'.

Стр. 55: 'день (осенний)'. В данном контексте избыточно (см. выше: 'были видны'; ясно, что речь идет о светлом времени суток).

Стр. 56: 'холодной (зимой)'. Избыточный эпитет.

Стр. 62: 'великой (жизни)'. «Украшающий» эпитет.

Стр. 71: 'бурный (ливень)' — тот же случай (приближается к избыточному).

Стр. 76: 'тяжких крыльев'. В данном контексте это словосочетание следует считать избыточным, так как общеизвестно, что орлы хлопают крыльями.

Стр. 86: '(из диких) стран'. Добавление существительного здесь требуется ввиду того, что в эту строку перенесено прилагательное 'дикий' (см. выше в разделе об опущениях).

(Стр. 88 — 100 не анализируются).

Стр. 103 — 105: 'склонившись' — необходимо синтаксически для соединения сказуемого 'висит' с предложным оборотом 'на ограду*'.
Стр. 107: 'читаете'. Добавление этого глагола, семантически избыточного, здесь необходимо в связи с заменой инфинитивного оборота to muse (and ponder) предложной конструкцией 'в раздумье'.

Стр. 108: 'на могильном камне' — избыточно, так как речь идет о кладбище ('погосте').

Итак, большинство добавлений в русском переводе (14 случаев из 22), как и опущения, ничего не меняют в передаваемой смысловой информации, так как добавляемые слова являются избыточными. В остальных случаях добавляются либо различного рода «украшающие» эпитеты ('пустынные', 'великая', 'бурный' и др.), также не несущие в себе существенной информации, либо слова, которые в дальнейшем встречаются и в подлиннике ('дикие дакоты', 'сизая цапля', 'водопады' и некоторые другие).

Бросается в глаза следующее обстоятельство: в то время как в переводе опущено всего 27 слов по сравнению с подлинником, в нем добавлено (учитывая и синтаксические трансформации) всего 26 слов (строки 88 — 100 не учитывались). На первый взгляд это кажется странным, если вспомнить, что в своем предисловии И. А. Бунин жалуется на краткость английских слов: можно было бы подумать, что он пойдет по пути максимально возможного сокращения длины русских строк путем опущения слов. На самом деле, как мы видим, число добавлений почти равно числу опущений. Следует, однако, иметь в виду, что значительную «экономия» слов дает избежание повторов и совмещение в одном слове значений двух

английских слов — парных синонимов; за этот счет переводчику удастся сократить текст еще на 15 слов. Кроме того, некоторое сокращение числа слов осуществляется за счет частичных лексических соответствий. Всего русский перевод насчитывает 284 знаменательных слова — на 23 слова меньше, чем английский подлинник. Следует учитывать, что аналитический характер строя английского языка, помимо краткости слов, имеет и обратную сторону — необходимость употребления большого количества служебных слов (предлоги, артикли, вспомогательные глаголы и др.), которые отсутствуют в русском языке и дают некоторую «экономию» длины текста в русском переводе (что особенно важно для поэтического перевода).

Замены

Сюда мы относим только те случаи, когда между английским словом и соответствующим ему (по синтаксической роли и месту в предложении) русским словом нет никакой смысловой связи⁵. Таких случаев в анализируемом отрывке всего три: стр. 5: *curling smoke* 'вьющийся дымок' — голубой дымок'; стр. 17: *(the heron) feeds* 'кормится' — 'бродит (цапля)'; стр. 43: *the pleasant water-courses* 'веселые потоки' — 'излучистые потоки' (однако ниже, в стр. 51, то же словосочетание переведено адекватно: 'веселые потоки'). При этом в двух случаях речь идет о замене прилагательных-эпитетов, не несущих семантически существенной информации; в третьем же случае глагол *feeds* также не является смысловым центром сообщения, ибо важно не само действие, не то, что делает цапля, а кто именно обитает на болотах; глагол же по роли приближается здесь к простой связке и мог бы быть заменен почти любым непереходным глаголом со значением бытия или местонахождения (*lives, dwells, nests, walks, etc.*).

* Эти случаи можно рассматривать как одновременное опущение в добавление.

Таким образом, лексические замены в переводе опять-таки не влекут за собой никакого существенного изменения в содержащейся в тексте семантической информации.

В заключение скажем несколько слов о количестве и соотношении строк в подлиннике и в переводе. В целом И. А. Бунин, согласно установленным им в предисловии принципам, стремится к сохранению соответствия между строками подлинника и перевода. В тех случаях, когда по той или иной причине им нарушается число строк, он стремится сразу же компенсировать это нарушение. Так, стр. 7 — 9 подлинника соответствуют всего две строки перевода; однако это сокращение числа строк тут же компенсируется добавлением лишней строки после стр. 18 подлинника. Стр. 62 подлинника соответствуют две строки перевода, но это увеличение числа тут же компенсируется тем, что стр. 68 — 70 подлинника соответствуют всего две строки перевода. После стр. 82 — 83 и 89 добавлено по одной строке, но зато после стр. 91 и 95, наоборот, опущено по одной строке в русском переводе. Добавление строки после стр. 106 подлинника компенсировано сокращением одной строки, соответствующей стр. ПО подлинника. И лишь в двух случаях (стр. 23 и 113 подлинника) опущение строк оказывается некомпенсированным, в результате чего русский текст насчитывает на две строки меньше, чем подлинник. Мы видим, таким образом, что И. А. Бунин не стремится к формальной «эквивалентности», но, с другой стороны, следит за тем, «чтобы из одной строки Лонгфелло не делать нескольких», чтобы количество строк в переводе не расходилось резко с их числом в подлиннике.

Проделанный анализ дает возможность прийти к некоторым предварительным выводам:

1. Одной из причин высокой степени адекватности бунинского перевода «Песни о Гайавате» является весьма большой процент содержащихся в нем полных лексических соответствий подлиннику, то есть соответствий, основанных на прямой словарной эквивалентности.

2. Искусство переводчика заключается в том, чтобы производить разного рода языковые трансформации там, где этого требуют нормы русского языка или стихосло-

жения, без существенного ущерба для содержащейся в тексте семантической информации. Этого И. А. Бунин достигает, главным образом, путем применения частичных лексических соответствий, основанных на незначительном изменении лексической семантики слова, а также путем устранения повторений, семантически «опустошенных» эпитетов и избыточных лексических элементов.

3. Явление избыточности, свойственное любому языку, дает переводчику возможность производить требуемые изменения в форме языкового выражения (включая добавления, опущения и замены слов и словосочетаний) без какого-либо изменения в передаваемой текстом смысловой информации.

Разумеется, наше исследование следует рассматривать как предварительное и далеко не исчерпывающее всей проблемы. Прежде всего, адекватность поэтического (и любого другого) перевода далеко не сводится к передаче лишь лексической стороны подлинника; требуется поэтому произвести исследование также и грамматических соответствий в поэтическом переводе, не говоря уже о важнейшей проблеме передачи собственно поэтических образных средств и стилистических приемов (сравнений, повторов, параллелизмов, единоначатий и пр.). Далее, проанализированный нами отрывок — слишком короткий для того, чтобы на его основе делать какие-либо убедительные выводы и подсчеты. Необходимо подвергнуть подобному анализу более обширный текст, если не всей поэмы, то, по крайней мере, нескольких ее глав, чтобы полученные выводы могли претендовать на доказательность. Наконец, чтобы полностью оценить качество бунинского перевода, нужно сравнить его как с другими переводами той же поэмы (например переводом Д. Л. Михаловского), так и с переводами других поэтических произведений. Нужно учитывать, что задача И. А. Бунина в значительной мере облегчалась отсутствием в подлиннике рифмы; в переводах поэтических произведений, содержащих рифму, количество полных соответствий, естественно, будет меньшим, а количество отклонений, соответственно, большим и т. д.

Мы надеемся, что данная статья послужит толчком к углубленному лингвистическому исследованию интересных проблем, связанных с малоизученной областью поэтического перевода.